

Пил он это лекарство больше двух лет, и результаты были. Генерал Сяо вырос выше своего отца, руки и ноги стали длинными, не зря потратил то дорогое молоко. Более того, был и побочный эффект — он побелел. Даже суровые ветра и пыль северных земель не смогли загрузить или загорячить его кожу, лицо оставалось чистым и гладким, прямо белый как лист учёный, никто бы не усомнился. А белизна, как известно, сто недостатков скрывает, тем более что у генерала Сяо и недостатков-то не было. Такой красавец, обнимающий мужчину самой заурядной внешности и нашептывающий сладкие речи, — обнимаемый и шевельнуться не мог, и слов подобрать не знал как. Сказать, что жаль, мысли его кривы, — слушать не станет. Сплелись они, как плющ с деревом, одно неверное слово — и вспыхнет, хуже некуда.

— Тогда я лишь грезил, не думал, что смогу так обнять... Твоя привычка ногам мёрзнуть весьма кстати прилась, исполнила давнюю мечту. — Генерал Сяо всё дальше заходил. Холодные ноги — от слабости ци крови или её застоя, какое отношение это имеет к «кстати»? Словно тот нарочно ноги студил, чтобы его мечту исполнить!

— Чем это ты так благоухаешь, хорошо пахнет...

— Сяо Юй, если не прекратишь нести этот вздор, я на пол спать пойду! — Ляо Цюли изо всех сил пытался разжать сомкнутые на его талии руки, вырваться из объятий.

— А я правду говорю, что тебе не по нраву? Ладно, не хочешь слушать — не буду, спи. — Сяо Юй язык прикусил, но руки-ноги по-прежнему держали пленника, не давая тому вырваться и отправиться на поиски постели пониже.

Не двигаешься ты — не двигаюсь и я, так и застыли, сплетённые на кровати, мышцы напряжены, о сне и думать нечего. Помолчав, Ляо Цюли снова почувствовал неладное — что-то твёрдое и горячее упиралось ему ниже пояса. Ему уже за тридцать, не мог он не знать, что это, и не мог притвориться, будто не ведает, отчего сей предмет ныне «восстал». Но как сие озвучить? Обругать владельца сего предмета похабником, среди ночи бесчинствующим? По правде говоря, и ругать-то не за что, ибо сей предмет поутру может восстать, от тепла может восстать, от возбуждения — тоже, когда восстанет — не угадаешь. Скажешь, мол, зря ты его поднимаешь, а он ответит: «Сердце к тебе лежит, вот оно само и поднялось, я не нарочно».

— Пить хочу, воды налью, отпусти. — Ляо Цюли, не видя иного выхода, солгал, чтобы вырваться из неловкого положения.

— Цинчжи! — Сяо Юй окликнул Ляо Цюли по имени, что случалось редко. Между ними обычно ходили «Лицзы» да «Ляо», без имени и без именительного. — Дай обнять, всего чуть-чуть... Столько лет я по тебе томился, и, возможно, сия любовь — цветок бесплодный... О будущем думать не смею, но здесь и сейчас, хоть как милостыню, побудь со мной, не говори, не шевелись.

Характер у Сяо Юя жёсткий, лицо дорого, и сии слова — предел его умения просить. Звучало грубовато, но для него это была уже «бескостная» речь, после которой надо бы зубами скрежетать и клясться — никогда более.

Ляо Цюли, конечно, знал его упрямый, как камень в выгребной яме, нрав и ведал, сколь тяжело тому теперь сдерживаться. В конце концов, ни справиться с ним, ни увернуться не выйдет, обнимет — и ладно, лишь бы за рамки не выходило.

Дорога была долгой, без остановок, к времени первой стражи сморило обоих. В объятиях тепло от Сяо Юя постепенно перетекало в Ляо Цюли, главное — ноги согрелись, а с ними и всё тело. Сон одолевал, веки налились свинцом, хоть и тревог было много, но когда сон подступает, мысли путаются, и ни о чём думать не хочется.

Сколько времени потребовалось, чтобы человек в его объятиях от напряжённости перешёл к расслабленности? Полчаса. Сяо Юй, видя, что тот наконец позволил себя обнять, не мог не порадоваться в душе, а обрадовавшись, не мог не подумать: а не поворотный ли это момент? Может, ещё не всё потеряно? И ещё подумал: а то снадобье, что Лу Хунцзин припас... Вдруг и впрямь пригодится, да так, что и не ожидаешь. Например... кхм... Ляо Цюли нечаянно съест не то «что-то», всё тело разгорячится, не вытерпит и прильнёт к нему, дабы «жажду утолить», и они, воспользовавшись моментом, дело совершат...

Отсюда видно, что генерал Сяо любовных романов наслушался вдоволь. В романах тех так и пишут: коли попалась непокорная красавица, сочинитель обязательно заставит строптивницу «ошибочно» нечто скушать. Непокорная красавица боится и назойливого кавалера, и «того самого снадобья»! Ошибешься раз — на всю жизнь хватит, а с помощью того снадобья подтолкнёшь... в итоге все счастливы!

Восемь с лишним лет он был воякой, кроме походов да битв ничего не знал, в любви же ни капли «запасного» капитала не имел, всё — из вторых рук: либо опыт «предшественников», либо книжные фантазии «любовных романов». Опыт предшественников — за восемь лет в лагере насобирали, в основном от старых служивых, от скуки болтавших, что почти то же, что и враки. Любовные романы же... Судя по тому, как генерал Сяо своё лицо берёт, вряд ли он сам их добывал, так что, выходит, «конфисковал» у того же Лу Хунцзина. Тот на базар ходит — кроме азартных принадлежностей, только их и скупает, по несколько десятков за раз, и под подушку, и под циновку, и под тюфяк — везде припрятать можно. Генерал Сяо в его тайниках как дома, пришёл — и взял, взял — и рука не дрогнула, ещё и с холодным прекрасным лицом, с беспримерной прямоотой отчитывал: «В походе да на войне как можно такие книги читать?! На, военную хитрость почитай!» Разом прихватывал добрую половину из нескольких десятков книг, а когда тот ворчал, ещё и недоволен был, а на следующий день приходил снова — и забирал всё дочиستا, ни одной не оставлял!

Генерал Сяо днём и ночью думал, днём и ночью ждал, когда же то снадобье подействует, дабы по любовному роману «развитие» пошло как по маслу. А чтобы «как по маслу», разве можно быть нечистым? Помыться надо как следует, чтобы дело спорилось! Даже если условий для омовения нет, так хоть отдельные части тела вымыть надо? А то предъявишь — а оттуда запах... Неловко как-то...

Ради сего нетерпеливый генерал Сяо каждый день место для омовения искал, хоть и холодно — мылся, не боясь и простудиться. Если уж совсем условий не было, сам водички в котелке нагреет, в укромном уголке и вымоется...

Ляо Цюли спрашивал:

— Ты каждый день так моешься, не боишься болезнь нажить?!

Генерал Сяо с серьёзным видом отвечал:

— Не мыться нельзя, а то в момент...

«В момент» — и он с ужасом понял, что чуть не проговорился, закусил язык, лишь в душе подумав: хоть и говорят, что перед битвой меч точат, но в таком деле на последний момент полагаться нельзя, готовиться надо постоянно, так что мыться всё равно надо!

И что же? Всю дорогу он томился и подозревал, а по прибытии в императорскую столицу — ничего! Тут-то генерал Сяо и осознал, что Лу Хунцзин его надул. Ясно представил, как тот в заставе Хулао рожки строит: «Сам виноват! Кто тебе велел со злым умыслом?! Я лишь сказал, что снадобье добыл, а не то, что сейчас дам!»

Генерал Сяо, полный внутреннего жара, всю дорогу плохо ел и спал, всё об этом думал, а оказалось — «видит око, да зуб неймёт»! А уж в императорской столице и подавно не достать. Ляо Цюли вернулся в отделение дома Ляо, а он не мог сразу за ним последовать. Отношения их ныне зыбки, между ним и семьёй Ляо — незримая, неосязаемая бочка с порохом. Пойди он следом — бочка рванёт, и Ляо Цюли окажется меж двух огней: с одной стороны — кровные родные, с другой — номинальный «супруг». Благоразумный человек в такой момент не пойдёт назло. Вот и приходилось ему самому по себе хлопотать: то на заседание чуть свет, дабы о нависших над династией Цин опасностях и подспудных течениях голову ломать, то после заседания — в купленный маленький дворик, а то и к старым знакомым вина испить. Порой император вызывал во дворец дела обсуждать — на несколько дней задерживал. Короче, старался быть занятым, старался не думать о том жестокосердом, что в дом Ляо вернулся, а весточки не прислал!

<http://bllate.org/book/15507/1377417>